

Б. В. Веверн
6-я батарея
Повесть о времени
великого служения
Родине

1914—1917

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

БРЕСТЬ-ЛИТОВСКЪ.

Бринское
укрепление

ВОЕННЫЕ

МЕМУАРЫ

Военные мемуары (Кучково поле)

Болеслав Веверн

**6-я батарея. 1914-1917
гг. Повесть о времени
великого служения Родине**

Издательство «Кучково поле»

1938

УДК 94
ББК 63.3(0)53

Веверн Б. В.

6-я батарея. 1914-1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине / Б. В. Веверн — Издательство «Кучково поле», 1938 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0714-2

В своих воспоминаниях Б. В. Веверн, полковник русской армии, непосредственный участник Первой мировой войны, рассказывает о формировании и боевом пути 6-й батареи в составе 81-й артиллерийской бригады. Батарея впервые участвовала в боях на Висле в кампании 1914 года, затем в осаде австро-венгерского Перемышля, совершила бросок через Карпаты, а летом 1915 года прикрывала отход других частей из Брест-Литовска. Живым языком автор описывает сражения, военный быт, трудности и радости походной жизни солдат и офицеров. Эта книга – сложный и многогранный взгляд на военные события того времени и на судьбу отдельных людей на войне.

УДК 94
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9950-0714-2

© Веверн Б. В., 1938
© Издательство «Кучково поле», 1938

Содержание

«Маленький памятник»	6
Предисловие к первому изданию	11
От автора	12
Том I	13
1. Мобилизация	13
2. В гарнизоне крепости Брест-Литовск	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Болеслав Вильгельмович Веверн 6-я батарея: 1914–1917. Повесть о времени великого служения Родине

Печатается по изданию:

Веверн Б. В. 6-я батарея: 1914–1917 гг.

Повесть о времени великого служения Родине. Париж, 1938

«Маленький памятник» (вместо предисловия)

Автор этой книги полковник Б. В. Веверн, оканчивая свои мемуары, писал: «За время своей короткой, но бурной жизни, в длинном ряду других, более крупных памятников, [6-я батарея] все же успела воздвигнуть и себе маленький Памятник Славы, и я, первый и единственный ее командир, настоящей своей книжкой хочу его сохранить и укрепить в сознании и памяти грядущего времени». Эти слова как нельзя лучше характеризуют книгу, возвращающуюся сегодня к тому самому читателю, для которого она прежде всего создавалась, – к читателю русскому. Чем же важен для нас этот «маленький памятник», для чего нужен он в сегодняшней России спустя более чем 75 лет после первой публикации в русском зарубежье? По справедливому замечанию генерала Н. Н. Головина, написавшего предисловие к первому изданию, эта «книга исключительно интересная по своему содержанию и выдающаяся по своим достоинствам. Перед читателем разворачивается необычайно живая и яркая картина с характерными деталями жизни и боевой деятельности батареи, которой командовал полковник Б. В. Веверн, со дня ее формирования... по день ее тихой кончины в период всеобщего стихийного разложения русского фронта в 1917 году». Даже в обширной военной мемуаристике эмиграции нечасто встретишь столь полное и законченное описание жизни отдельного воинского подразделения, да еще такое красочное. Тем более что большинство воспоминаний русского рассеяния созданы кавалеристами или, реже, пехотинцами. Несмотря на то, что потери в артиллерии сравнительно с пехотой были в ходе Первой мировой войны сравнительно невелики, доля артиллерийских офицеров-мемуаристов чрезвычайно мала. Тем ценнее для нас «6-я батарея», к тому же созданная автором, обладавшим несомненным литературным талантом. Что же это был за человек?

Болеслав Вильгельмович Веверн прошел традиционный путь русского армейского офицера – путь славный и доблестный, но тихий и зачастую совсем не заметный для окружающих. Сын генерал-майора, он родился в 1878 году в Гродно в семье, давшей России целую плеяду достойных офицеров – артиллеристов и военных инженеров. Образование получил в Полоцком кадетском корпусе, а затем в Константиновском артиллерийском училище. Службу проходил в резервной артиллерийской бригаде. С началом Первой мировой войны в чине капитана принял командование над 6-й батареей второочередной 81-й артиллерийской бригады (81-й пехотной дивизии), развернутой из кадра 46-й артиллерийской бригады, и прошел с этой батареей от Ярославля (места мирной стоянки) и Брест-Литовска до Перемышля и Карпат. Впереди были отступление по Галиции, завоеванной дорогой ценой, и далее в глубь России, участие в наступлении на Скробовских позициях, которое было призвано поддержать и расширить успех знаменитого Луцкого (Брусиловского) прорыва весны – лета 1916 года...

Почти всю войну Болеслав Вильгельмович командовал своей 6-й батареей, почти никуда и никогда от нее не отлучаясь, за исключением непродолжительного лечения в 1915 году и двухнедельного отпуска в 1916 году. В 1917 году, произведенный за отличие в боях осени 1916 года в полковники, Б. В. Веверн ненадолго принял на себя командование всей 81-й артиллерийской бригадой, однако развал фронта помешал ему превратить всю бригаду в такую же безупречно доблестную часть, какой была его батарея. В 1918 году полковник принял участие в противобольшевистском Ярославском восстании, после чего, чудом уцелев, сумел пробраться на юг России в Добровольческую армию. В 1920 году, разделив горькую судьбу многих других, был эвакуирован в Галлиполи. С 1922 года начинается период его эмигрантских скитаний – Франция, Болгария и снова Франция. О его семье известно мало: супруга, Варвара Павловна, урожденная Римская-Корсакова, в 1900-х годах родила ему сына (тоже окончившего артилле-

рийское училище) и двух дочерей. После Гражданской войны все семейство оказалось в изгнании с главой. Сын Александр после Галлиполи жил сначала в Болгарии, а позднее во Франции, где принимал участие в ряде мемориально-культурных проектов русской эмиграции. Там же оказалась и младшая дочь Татьяна, впоследствии вышедшая замуж за русского эмигранта – юриста и общественного деятеля В. А. Абакумова. Старшая дочь, Екатерина, также эвакуированная в Галлиполи, в 1921 году переехала в Болгарию, а в 1923 году – в Югославию. Получив образование на медицинском факультете Загребского университета, работала врачом. После Второй мировой войны, в 1950-х годах, она вернулась в Россию. Б. В. Веверн во Франции работал на заводе «Рено», а после тяжелого и совсем не интеллектуального труда отводил душу предаваясь литературным занятиям: сотрудничал в газетах «Возрождение», «Русский инвалид», журнале «Часовой» и других, печатал очерки о войне и революции. Скончался Болеслав Вильгельмович в 1937 году в Медоне, под Парижем, и был похоронен на местном кладбище. Уже посмертно вышел его двухтомник «6-я батарея. 1914–1917 г.г. Повесть о времени великого служения Родине» (Париж, 1938).

Казалось бы, что примечательного? Совсем не блестящая карьера в обыкновенной батарее второй очереди, каких в Русской императорской армии были десятки, боевой путь, проделанный многими, многими русскими офицерами в те же годы. Почему же эта книга стала признанным документом эпохи Первой мировой войны? Чем так привлекательна для нас история 6-й батареи и ее командира? Прежде всего, пожалуй, тем, что она *типично* и правдиво представляет читателю войну. Б. В. Веверн описывает, например, все хорошо известные по другим источникам беды и проблемы, с которыми сталкивалась наша армия в ходе Первой мировой войны. Это и несогласованность распоряжений и действий Ставки, ведущая к многочисленным напрасным потерям; и инертность многих начальников, опасаящихся «кабы чего не вышло» и тем не просто гасящих инициативу наших войск, но преступно отдающих эту инициативу в руки противника; и снарядный голод 1915 года, и многое другое. Столь же типичны и ожидаемы его описания радостных моментов: ликование по поводу отправки на боевой участок или по случаю победы; примеры боевой и дружественной спайки – как между чинами одного подразделения, так и между различными родами войск, действующими на одном участке; доблесть и успешная боевая работа товарищей, например младших офицеров, подчиненных ему, и так далее. Огромный интерес представляют и случаи, где, полагаясь только на собственное знание, понимание обстановки и на собственную совесть, автор признается в неисполнении им нелепых приказов, которые могли бы повлечь за собой печальные и кровавые последствия. Увиденные глазами простого офицера, которых в Русской императорской армии были тысячи, эти бесчисленные эпизоды повседневной боевой страды имеют ни с чем не сравнимый вкус подлинности, естественности. 6-я батарея – лишь небольшая капелька в громадном море Русской императорской армии, действовавшей в 1914–1917 годах против австро-германцев; она выполняет лишь строго определенную часть боевой работы, но, читая об этом, безусловно понимаешь, что без этой работы судьба всей армии была бы иной. Мемуарист описывает важнейшие события Первой мировой – защиту Брест-Литовска, осаду Перемышля, Карпатскую операцию и другие – как бы с весьма ограниченной точки обзора, то есть так, как видели – каждый со своего места, в соответствии с поставленной каждому подразделению задачей и ее выполнением – многие и многие тысячи русских офицеров. Итак, подлинность и типичность – огромные достоинства книги «6-я батарея», но, однако, отнюдь не исчерпывающие ее ценности.

Далеко не всегда (или даже почти никогда) Б. В. Веверн знает о причинах того или иного приказа о наступлении, отступлении в глобальном масштабе, не всегда понимает причины тех или иных событий, особенно повлекших тяжелые последствия в виде кровавых потерь и отступления с захваченных территорий, – но все это и не нужно рядовому офицеру. Да и читателю – не очень. Гораздо важнее то, что страницы воспоминаний полковника Веверна насы-

щены реальными эпизодами и дышат огромной любовью к жизни, которая, в сущности, ведь и состоит из отдельных моментов, печалей и радостей, недоумений и минут ясности и тому подобного.

«Я поднимаю голову и вижу рядом с собой сибиряка – командира батареи.

– Ну, чего мы опять отступаем? Не знаю, как у вас, а у нас на правом фланге все наши дела были в полном порядке. А мы опять бежим. Если так уже плохо у нас, если нет снарядов, нет снаряжения, нет артиллерии, если у нашего начальства есть уверенность, что мы не можем в настоящих условиях бороться с немцами, то тогда отступали бы уж прямо без этих встречных боев и контратак, без этого самоуничтожения и моря крови, а если необходимо все-таки неприятеля задерживать, то выбирали бы для этого позиции, которые давали бы нам хотя преимущество своим рельефом, своим положением, а не наоборот: все преимущества позиций непременно сами отдают неприятелю. Ну чего, скажите, пожалуйста, мы полезли под Радымно? – Я только пожал плечами».

Эта растерянность в дальнейшем никак не разрешается. Оно и понятно: распоряжение удерживать часть берега реки Сан в районе Радымно было следствием неправильной оценки Ставкой положения русских войск после Горлицкого прорыва. Не понимало командование и отдавало неудачные приказы. Тем более не понимали офицеры. Тем ярче подлинность этого печального свидетельства эпохи... Ведь спустя столетие после окончания войны, имея на руках подлинные документы, к тому же проанализированные профессиональными историками с вынесением соответствующих вердиктов, так трудно поставить себя на место обыкновенного офицера! Что думал и чувствовал он, не имеющий понятия, что напишут впоследствии специалисты об операции, в которой он принимал участие, какими причинами, глядя с птичьего полета, объяснят успех или неудачу боя? У такого офицера есть лишь его частная задача, которую ему необходимо выполнить, неся ответственность не только за доверенный боевой участок, но и за своих людей. Поэтому вкус к жизни на войне, как «узкая», «специфичная» точка зрения, но раскрытая читателю максимально в тех рамках, в которых она существовала для мемуариста (и тысяч ему подобных), – тоже драгоценное качества книги.

Все эти достоинства «6-й батареи» ценны и сами по себе, но не только. Возвращение именно таких воспоминаний в Россию, к современному читателю, в наше время важно еще и для правильного усвоения того смыслового пласта, который представляет собой для нашего народа история Первой мировой войны и который был до сих пор крайне слабо включен в национальную картину мира. А это, в свою очередь, мешало постижению тех нравственных и духовно-исторических уроков, которые преподала эта война. В течение многих десятилетий Первая мировая для нашего народа была «не своей войной»: непонятной, непонятой, нецененной. И дело даже не в том, что один из крупнейших в мировой истории военных конфликтов требует изучения и понимания слишком большого объема информации, постоянного открытия новых источников и освоения значительного числа исторических «белых пятен». В конце концов, за сто лет, прошедших с ее начала, все-таки немало (пусть недостаточно, неисчерпывающе, но немало) было сделано для исследования событий. Но это не отменяет, так сказать, системности забывания Первой мировой войны коллективным сознанием народа. Двадцатый век осуществил это забывание столь эффективно, что и по сию пору средний житель России едва ли соотносит себя и свою судьбу с историей наиболее широкоохватной и кровопролитной из всех (за исключением лишь Второй мировой) войн, которые вела наша страна с внешним противником. Не только «сороковые роковые», но даже значительно более отдаленная во времени Отечественная война 1812 года оказываются намного лучше «присвоенными» коллективным сознанием нашего народа. Почему-то психологически более естественно нынешний российский обыватель воспринимает себя наследником тех, кто гнал с русской земли наполеоновские полчища (не говоря уже боровшихся с гитлеровцами), чем потомком тех, кто обагрлял своей кровью галицийские поля и карпатские перевалы.

В сознании нашего народа война, названная ее современниками Великой, оказалась, во-первых, заслонена гораздо более масштабным и катастрофическим явлением – Второй Русской Смутой, а во-вторых, насильственно вытравлена из коллективной памяти коммунистической пропагандой. И это естественно. Придя к власти в результате революции и Гражданской войны, большевики создали иное государство и иной мир с принципиально иной историей, которая начиналась лишь с 1917 года, не раньше и не позже. Несмотря на все более поздние попытки вывести СССР (и затем современную Российскую Федерацию) из императорской России и объявить об их правопреемстве, новые хозяева жизни отменили, обнулили, обесценили всю предшествующую тысячелетнюю историю. Ту историю, которую завершила Первая мировая война, называемая не только Великой, но и Второй Отечественной. В коммунистической картине мира этой войне места не было хотя бы в силу отвратительной роли, которую сыграли в ней большевики, затем подписавшие Брест-Литовский мир. И потому нельзя было допустить, чтобы народ завоеванной большевиками России соотносил себя с теми простыми героями, подвиги которых оказались этим мирным договором попорчены, растоптаны, а результаты, купленные кровавой ценой, отданы врагу. Нужно было убедить людей, что Вторая Отечественная война была на самом деле ненужной мировой бойней, не отвечавшей интересам России. Характерно, что в историографии русского зарубежья этот перекося практически отсутствует. В эмиграции историю Первой мировой и ее опыт старались всесторонне изучать, ее любили, о ней помнили, писали мемуары, издавали множество книг. В современной же России все еще сохраняется, хотя и в ослабленном виде, инерция советского взгляда. Очень трудно внутренне признать «своим» то, от чего отвращали на протяжении десятилетий. Не лишает ли всех нас такое отношение к одной из наиболее трагических страниц собственной истории чего-то важного? И если да, то чего именно? Какие уроки Великой войны могут иметь значение для сегодняшнего жителя России?

История этой войны и ее оценка на самом деле обладают колоссальным потенциалом для нашего современника, озабоченного самопознанием, ищущего места в мире для себя, своего народа, нации, истории и задумывающегося о своем (индивидуальном и коллективном) будущем. Представителей зарубежной России на сегодняшний день остается очень немного – первые поколения ушли, последующие постепенно ассимилируются в тех странах, где нашли приют. И, значит, русская история Первой мировой вновь актуальна прежде всего и почти исключительно на территории России. Столетний юбилей, праздновавшийся в 2014 году и сопровождавшийся выпуском различных изданий, появлением соответствующих интернет-СМИ, открытием памятников в ряде городов и подобными мероприятиями, актуализировал события той поистине забытой войны и самый факт ее существования в судьбе России. Но увеличение количества исследований, публикаций и монументов само по себе мало влияет на специфику исторической памяти народа. Сумма знаний о том или ином историческом явлении и место этого явления в коллективном сознании (а тем более в коллективном бессознательном, в менталитете) не равны между собой. И поэтому в случае таких глобальных катастроф, какой стала Великая война, необходимо, помимо тщательного изучения ее причин, обстоятельств, деталей, результатов и так далее в рамках собственно исторических исследований постараться понять, какое значение данная катастрофа имеет не только для своих современников, но и для нас, потомков – причем в плоскости прежде всего духовно-нравственной. Нужно ли сегодня стараться осознать себя потомками «тихих подвижников» (как называл русских солдат в своих произведениях генерал П. Н. Краснов), и если да, то для чего? И как это сделать?

Линия русской истории XX века напоминает кровеносный сосуд, внутри которого образовался тромб, и сегодня мы наблюдаем попытки излечить данный недуг. Ведь этот тромб исторического беспамятства не менее опасен, чем физиологический тромб, закупоривающий вену или артерию. Если сгусток крови, препятствуя кровообращению, приводит к параличу и смерти человеческого тела, то прекращение нормального функционирования исторической

памяти народа ведет к нравственной деградации, параличу народной воли и в конечном счете к духовно-нравственной смерти нации, за которой неизбежно следуют и ее геополитическое и физическое уничтожение. Однако если тромбоз сосудов можно излечить путем хирургической операции, то «тромб исторического беспамятства» требует постепенного и медленного растворения его в волнах живой, осмысленной памяти о судьбе страны и нации, постепенно вливаемой в коллективное сознание так, чтобы она пустила корни и в национальном менталитете. Для этого мало тщательного изучения и публикации конкретных документов, мало и фундаментальных исследований, хотя наращивание суммы достоверных знаний, безусловно, также необходимо. Однако серьезные исторические штудии все-таки – удел ограниченного числа специалистов. Для обычного читателя, желающего не быть «Иваном, не помнящим родства», пожалуй, большее значение имеют живые свидетельства таких же, как он, людей, описывающих не глобальные причины и последствия разыгрывавшихся катастроф, а себя, свое скромное, но реально-деятельное место в них. Именно это рождает у читателя не просто знание *об* истории, а ее реальное переживание, чувство соучастия в ней, сопричастия ей, предкам, роду, стране – которые как раз и способны разрушить «тромб исторического беспамятства» и вернуть нам подлинную Россию, а нас – ей. Для такого обучения сопричастию и сопереживанию как нельзя лучше подходят именно произведения, подобные «6-й батарее», – отражающие простоту, реальную событийность живой жизни, подлинность и правдивую искренность. Как отмечалось выше, большевики в свое время поставили задачей отвратить русского человека от наследия Первой мировой, лишить его желания чувствовать себя потомком простых героев этой войны (и значительно в этом преуспели). Советская пропаганда утверждала, что «Гумилев и Брюсов не успели развить и вознести свою мечту о герое», называя основными причинами этого «немогущность российского империализма и гнилокровие штабс-капитанов». Однако сегодня мы понимаем, что причина – лишь в недостатке времени, отпущенного большевиками честным русским офицерам, и их же, большевиков, противодействию. Читая книгу Б. В. Веверна, безусловно хочешь быть именно их наследником. Потомком тех, кто пал в неравном бою с австро-германцами совсем не за абстрактный «империализм», а за свое русское бытие: простое и честное.

«6-я батарея» – хорошее лекарство от «тромбоза исторической памяти», потому что учит любить подлинную Россию и ее людей, тем самым восстанавливая «кровоток» в национальном мировоззрении и предотвращая тяжелые нравственные последствия. И одновременно это действительно «памятник славы», как характеризовал свою книгу сам автор. Слова «памятник» и «память» созвучны неслучайно: памятники возводятся именно для запечатления памяти – или для ее возвращения, как это происходит в сегодняшней России.

Дарья Болотина

Предисловие к первому изданию

«6-я батарея» полковника Б. В. Веверна – книга исключительно интересная по своему содержанию и выдающаяся по своим достоинствам. Перед читателем разворачивается необычайно живая и яркая картина с характерными деталями жизни и боевой деятельности батареи, которой командовал полковник Б. В. Веверн, со дня ее формирования в июльские дни общей мобилизации в 1914 году и по день ее тихой кончины в период всеобщего стихийного разложения русского фронта в 1917 году. Такого полного описания бытовой стороны жизни, разнообразных положений в обстановке похода и боевой службы основной организационной артиллерийской единицы в нашей зарубежной военной литературе мы до сих пор не имели.

С редким даром изобразительности автор описывает мобилизацию, подготовку батареи к боевой работе, высокий патриотический подъем мобилизованных и населения, выступление в поход, переезд по железной дороге, прибытие на фронт, первые впечатления от столкновения с боевой действительностью, первые бои на реке Висле и последующие, от Ивангорода к Перемышлю и далее в Карпатах, тяжелый отход весной 1915 года, службу на Западном фронте и конечный развал батареи.

Справедливо учитывая, что боевая деятельность батареи протекает в тесном содружестве с другими родами войск, полковник Б. В. Веверн описывает боевую службу своей батареи в неразрывной связи с своими боевыми сотоварищами, отмечая не только исключительную доблесть отдельных войсковых частей и в особенности русского офицера, но и не скрывая случаев малой стойкости, ослабления духа, неудачных распоряжений начальства. На примерах живой действительности выявляется огромное значение нравственного элемента.

Психологическая основа всего повествования придает книге полковника Б. В. Веверна исключительную жизненность. Непринужденная легкость изложения, красочность и во всем проступающая горячая любовь автора к своей батарее, к родной ему артиллерии и Русской армии увлекают читателя.

Книга так написана, что всякий, не имеющий даже никакого отношения к военному делу, прочтет ее с глубоким интересом.

Н. Н. Головин

От автора

Когда, утомленный тяжелой работой, я возвращаюсь с завода на свой чердак, ложусь на кровать, закрываю глаза и предаюсь своим думам, картины далекого прошлого постепенно вырастают, как из тумана, в моем мозгу, и, забыв настоящее, я вновь живу прежней жизнью.

Я чувствую на плечах у себя золотые погоны, и радостное, волнующее чувство охватывает мою душу, несет ее навстречу бесчисленным колоннам пехоты, лесам колеблющихся сверкающих штыков. Я слышу топот копыт, я вижу столбы пыли, поднимаемые проходящими мимо меня эскадронами, и чувствую близость своих родных маленьких пушек. Я пропускаю мимо себя упряжку за упряжкой и любуюсь, как наяву, своей стройной могучей батареей.

Картины быстро меняются: мои орудия уже режут, выпуская снаряд за снарядом, с легким визгом проносятся они над моей головой, и я вижу дымки их разрывов. Воют уже осколки германских снарядов, и со свистом пронизывают дымовую завесу ружейные пули.

Кровь бросается в голову и приливает к мозгу, сердце рвется вон из груди. Я вскакиваю на ноги, открываю глаза, и перед моим истомленным, взволнованным взором... мой бедный чердак и грязная синяя рабочая куртка.

Том I

1. Мобилизация

Огненными оранжево-красными полосами осветилось на востоке дальнее небо. Зашевелились, зашелестели листья на прибрежных деревьях, легкой сыростью потянуло с широкой глади Волги-реки, окутанной белым туманом своих испарений. Сумрак ночи сильно редее: в нем уже прояснились тени обширного лагеря, растянувшегося вдоль небольшой быстрой речки, в этом месте впадающей в Волгу. Правильными, ровными линиями рисуются ряды лошадей, двухскатных походных палаток, повозок с большими колесами, зарядных ящиков и коренастых, низких орудий.

Лагерь спит, и лишь из крайней палатки только что вылез босой чернобородый солдат и, приставив руку к глазам, взглянул на встающее солнце. Огляделся, продул блеснувшую медную трубу и, откинув назад свою голову, затрубил. Чистые мягкие звуки трубы покатались, поплыли, понеслись по реке, взвились кверху у высокого берега Волги и рассыпались в улицах большого древнего города, засверкавшего в первых лучах восходящего солнца вспыхнувшим золотом множества храмов.

Лагерь зашевелился, ожил, наполнился гамом людских голосов, конским ржанием, игрой застоявшихся за ночь коней, в нетерпении рвущихся на водопой. Ожил и город. Лихорадочной жизнью забились его артерии-улицы. Зашумел, заволновался в суете первых дней объявленной общей мобилизации старый город, носящий выступающее из тумана веков славное имя великого князя, здесь, на слиянии двух рек, поразившего сильной рукой «зверя лютого», изображение которого и поныне украшает герб этого древнего города¹.

* * *

Я приближаюсь к лагерю. Только два дня тому назад я назначен командиром вновь формируемой 6-й батареи². Хорошо это или плохо? Моя батарея, в которой я пробыл еще с юных лет, почти всю свою службу, уходит в военный поход, а я остаюсь. Судьба – нахожу я ответ. Я стараюсь не думать об этом.

С легким ржанием, повернув головы, лошади роят копытами землю, следя с нетерпением за езовыми³, раздающими сено. Одна сорвалась с коновязи, мечется по лагерю. Люди со всех сторон бегут, ловят ее.

У палаток всюду голубые дымки: чай кипятят, усевшись в кружки у костров, прибывшие по мобилизации солдаты.

«Смирно!..»

Я слушаю рапорт дежурного фейерверкера⁴, подходит фельдфебель:

– Разрешите доложить, ваше высокоблагородие, командующий бригадой скоро приедут на разбивку лошадей. Хорошие кони прошли вчера вечером. Нам в телефонные двуколки надо бы подобрать. Вон серый стоит на отдельном колу, вот бы его нам.

– Как судьба...

В ожидании разбивки я обхожу кучки сидящих людей, попавших ко мне в батарею, и останавливаюсь перед невзрачной, маленькой, жалкой фигуркой, заискивающе глядящей мне в глаза.

– Тебя как зовут?

- Логинов, ваше высокоблагородие.
- Что делал до призыва?
- Под лодкой лежал.
- Под лодкой? Где?
- Да здесь же, на Волге. Как здорово есть захочется, пойдешь на пристань, поработаешь, а затем опять под лодку.
- Ну, а зимой же как?
- Зимой, ваше высокоблагородие, на казенную квартиру⁵. Не даром же им стоять здесь, этим квартирам? Ну, нашему брату и способно: тепло и кормят.
- А семья у тебя есть?
- Никак нет, семьи нету. Да и не годится, значит, ежели законной супруге на таких квартирах стоять.
- А водку пьешь?
- Так точно. Это можно, потому водка нашему брату кровь греет.
- Ну, а в батарее же как? На войне водки не полагается.
- Ничего, ваше высокоблагородие, потерпим.

* * *

– Ваше высокоблагородие, командующий бригадой приехал. Вас просят на разбивку лошадей.

Передо мной стоит солидный, плотный фейерверкер с небольшой остроконечной черной бородкой. Где я видел это лицо? Да, вспоминаю: окрашенный в розовую краску, чистенький, как игрушка, пароход общества «Самолет»⁶. Стол, покрытый белой скатертью и уставленный винами и всевозможными закусками. За столом кутит шумная компания мужчин и нарядных дам. Громкий, непринужденный разговор и смех людей, чувствующих под своими ногами твердую почву. Мы, офицеры, в углу блестящей пароходной столовой ковыряем вилками «стерлядку колечком» и по временам бросаем свои взгляды на шумливых веселых соседей.

– Господа купечество, – шепчет нам убирающий тарелки лакей. – Богатеющие, – тянет он уже нараспев, не будучи в силах дольше сдерживать свой восторг.

Так вот оно что! Вот почему и тут, в батарее, он как-то сразу, по натуре своей, сам поставил себя на привычное место хозяина, и люди безропотно исполняют его приказания.

- Как ваша фамилия? – На ты назвать его как-то неловко.
- Бушмакин, ваше высокоблагородие.
- Чем занимались до призыва?
- Купец-хлеботорговец.
- Я назначаю вас старшим в обозе.
- Понимаю, ваше высокоблагородие. Покорнейше благодарю, – добавил он, как бы смутившись.

* * *

– Господа командиры, кто желает получить этого зверя?

Командующий бригадой, вытянув руку, указал на громадного серого жеребца, привязанного к вбитому в землю колу. Жеребец плясал вокруг кола, поджимая под себя задние ноги, стараясь подняться на дыбки. Громадная грива частью свисла почти до земли, частью развевалась по ветру, придавая ему вид какого-то свирепого чудища. Командиры батарей по очереди отказались.

– Так, значит, в шестую?

– Слушаю, господин полковник.

Лошади вороные, серые, гнедые, всех мастей и отмастков, голодные, избитые, грязные, заполнили собой весь отведенный для бригадного формирования берег речки. Вот они, наши безмолвные и покорные спутники и товарищи в грядущей боевой жизни, полной не изведанных еще нами ощущений, тревог, волнений и резких переходов в душевных настроениях – от упадка к воскресению духа. Не раз впоследствии приходилось нам поражаться тому тонкому чутью или инстинкту, которое проявляли наши лошади в тяжелые моменты нашей боевой обстановки. Они как будто понимали всю тяжесть положения данного момента и, не жалея своих сил и жизни, с удвоенной, утроенной энергией выручали нас из надвигающейся опасности. Теперь же здесь, на коновязи, они спокойно пережевывали свое сено, отдыхая после последних своих переживаний сборных пунктов, этапов, тесных и душных вагонов, шума, крика, нахлестываний и голода. Мы же в это время вновь осматривали этих новых своих друзей, распределяли их по упряжкам и выносам⁷, отбирали в боевую часть, в резерв, в обоз.

Каждое утро, посещая коновязь, обнаруживаю излишек в 10–15 лошадей. Откуда они берутся?

– Да кто их знает, ваше высокоблагородие? Тут, ночью, разве что разберешь? Бегают какие-то лошади, а чьи они – неизвестно. Ну, наши ездовые и ловят их – утром виднее, лишь бы своих не упустить, а что чужие, так нам убытку нет, – хозяева найдутся.

Логика моего фельдфебеля Д. Ф. Додельцева обезоруживала меня совершенно, и, отобрав излишек, что похуже, я отправлял их в ведение воинского начальника, предоставляя «хозяевам», то есть формирующимся паркам и обозам, искать их у него.

* * *

Чиж, Чижик, Чижонек, Шар, Шарик, Шарообразный – все уже словари, все календари пересмотрели, а все еще не хватает кличек для прибывающих лошадей, которые должны получить имена на четыре буквы алфавита: Ц, Ч, Ш, Щ. В этом необходимом и очень трудном деле участвуют все – офицеры, фельдфебель, писаря и даже каптенармусы.

– Ну, что же? Еще только три клички осталось.

– Ширяй, – радостным голосом заявляет старший писарь Постников.

– Шикай.

– А что такое Шикай?

– Не могу знать.

– Ладно. Еще одно последнее сказание?

– Шамлет... – заканчивает этот острый вопрос фельдфебель Додельцев.

– Кончено: «Шамлет». Конь Шамлет.

* * *

Люди и лошади... В данный момент нет ни людей, ни лошадей: есть личный и конский составы. И я сам тоже не человек: я командир батареи. Я должен отбросить все человеческие чувства, волнующие мой мозг и мою душу. Забыть все, чем я жил, к чему стремился, что меня огорчало и что меня радовало. Надвинулся «Великий вопрос», в котором я – лишь незначительная частица громадного, сложного механизма и, как таковая, жизнь моя должна быть тоже только механической, направленной исключительно к выполнению одной главной цели. И я стараюсь быть тем, чем я должен быть, напрягаю к этому всю свою волю, и тем не менее мне плохо это удастся: жизнь реальная, человеческая, прошлая и настоящая, вырывается наружу

и разрушает мою работу над собой. Я не могу никак видеть в людях своей батареи лишь фейерверкеров, орудийных номеров⁸ и ездовых: сквозь эти официальные звания в каждом из них сквозит человек со всеми своими человеческими чувствами и стремлениями. Свыше двухсот человеческих жизней вручаются мне, в мое личное распоряжение в этот тяжелый исторический момент, и я как начальник «несу за них определенную законом ответственность». Это по уставу.

Что означают эти слова устава? Означают ли они, что я несу ответственность и за жизнь своих солдат? В уставе об этом нет разъяснения. В уме же и в душе моей на этот вопрос ответ готов и, как бы я в будущем ни старался себя оправдать, я знаю, что ответственность громадная лежит на мне не только перед ними самими и их семьями, но и перед моей собственной совестью. И эта ответственность на мне лежит не только за жизнь их, но даже и за каждую пролитую даром каплю их крови. Смогу ли я, хватит ли у меня ума, энергии, решимости и знаний сберечь эту кровь и не лить ее попусту, по собственному несовершенству или кому-нибудь в угоду?

Итак, личный состав 6-я батарея получила почти полностью из запаса армии. Отличнейший личный состав: из лесов Муромских, Костромских, «Керже-нецких» лесов, с Волги, Шексны, Клязьмы-реки, оттуда, где слагались песни былинные, богатырские, прибыли эти люди, потомки былинных русских богатырей, сметливые, грамотные, крупные и сильные. Почти половина из них придерживалась «древнего благочестия»⁹ и старых, веками созданных обычаев, степенных, крепких, как степенны и крепки были и телом, и духом сами эти люди. Непокоримая вера в Бога, в судьбу, начерченную Божественным промыслом, без воли которого ни один волос не упадет с головы, эти 30-40-летние богатыри шли на войну спокойные, уверенные, покорные. Ни ругани, ни пьянства, ни драк, и как-то так уж вышло само собой, что вторая половина солдат батареи, как бы подавленная нравственным превосходством этих староверов, подчинилась почти во всем их жизненному укладу и слилась с ними в одну крепкую, дружную семью.

* * *

В конце июля кадровые части выступили на фронт и таким образом освободили для нас, вновь формирующихся, свои казармы. Это сильно облегчило наше положение, но совершенно неожиданно появилось новое крупное затруднение: бабы.

В казармы перебрались к вечеру. Захожу. Команда: «Встать, смирно!» Ничего не понимаю! Базар, табор цыганский какой-то: солдаты, бабы, ребятишки...

Мой молодой фельдфебель Додельцев почти плачет:

– Ничего не могу поделать, ваше высокоблагородие, все сродственники: жены, матери, сестры, и все с ребятами. Ни расчета произвести, ни поверки. А разве бабу выгонишь? Да и старики наши обижаются: последние ведь денечки вместе. Ну, значит, каждая со своим хозяйством. Тут и ребят качают, и белье стирают. А чуть что – так она прямо в рожу тебе лезет. И уж больно много, разрешите доложить, ваше высокоблагородие, хлеба идет. Потому с тремя фунтами в сутки на человека теперь не обойдешься никак. Баба, что? – Известно: хоть ты ей толкуй, хоть не толкуй, а только одно: «Мужей, наших кормильцев, забрали, а нам и ребятам хлеба жалеют. Да крест на тебе есть ли?»

Действительно, ничего не поделаешь: приказал давать понемногу хлеб и бабам.

– Спасибо, кормилец, спасибо, родной. Дай тебе Бог за это много лет здравствовать и деткам твоим тоже, если они у тебя имеются. А ты, значит, командир будешь? Так вот, уж наших муженьков побереги. Не лезь больно шибко на немца. Немец ведь злощущий, сказывают. И послал же нам Господь такое за грехи наши тяжкие...

И пошли на разные голоса причитать, каждая свое.

Пришлось отступать, только напоследок спросил:

– Ну, а спать-то как будут?

– Да там уж сами разберутся, ваше высокоблагородие, кто, где и с кем. Ничего – свои. Из-за баб не передерутся, не извольте беспокоиться, – заключил несколько повеселевший фельдфебель. – А с амуницией как же будем, ваше высокоблагородие? – продолжает он, совершенно уже успокоившись. – Всю перебрали, что бросила, уходя в поход, 6-я кадровая батарея. Рвань одна. Уж мы с каптенармусом Малининым выбирали, выбирали... Всех шорников, всех сапожников засадили за починку. И как мы будем, ежели заведующий хозяйством в Москве ничего не найдет, не приложу и ума.

Да, этот вопрос волнует очень сильно и меня самого. Пушки, передки, зарядные ящики имеются полностью, люди и лошади тоже, а запрячь батарею все-таки нельзя: нет конской амуниции. Наше артиллерийское ведомство не удосужилось заполнить этот пробел с 1910 года и теперь, ассигновав спешно только деньги, расхлебывать это дело предоставило всецело нам самим.

– Ничего, ваше высокоблагородие, – успокаивает меня каптенармус Малинин, доверенный мануфактурной фирмы «Привалов и Сын», – в Москве чего только нет. Поручик К. добудут.

– Эх, Василий Иванович, ведь это же не ваша мануфактура, которой хоть Волгу завалить можно. Идите-ка лучше домой, супруга-то ваша давно заждалась вас с обедом.

– Сейчас, ваше высокоблагородие, вот только повозки надо еще осмотреть, – и Малинин погружается снова в работу, затягивая ее до позднего вечера.

Дня через два купленная заведующим хозяйством батареи поручиком К. в Москве амуниция прибыла, но, конечно, далеко не полностью, и кое-как соединенная с подправленной старой, брошенной, ушедшей на фронт кадровой 6-й батареей была пригнана на лошадей.

Итак, 6-я батарея запряжена.

* * *

Взводные командиры на своих взводах, орудийные фейерверкеры у своих орудий, ездовые на местах.

– Шагом мар-рш!..

Батарея ни с места: рвутся без толку и волнуются лошади в непривычной для них новой упряжке. Ездовые, почти все никогда не ездившие в орудиях, лезут вон из кожи, и все-таки ничего не выходит. На ровном месте не могут взять лошади.

– Ездовые, слезай! Выпрягай!

– Ну, Тимофей Максимович, как нам дальше быть с этим делом?

– Времени еще много у нас, ваше высокоблагородие, все постепенно наладится.

Т. М. Галушук, подпрапорщик, назначенный в 6-ю батарею на офицерскую должность, – красивый 28-летний брюнет. Я знаю его упрямую хохлацкую натуру, а потому пользуюсь случаем, чтобы его еще подзадорить:

– Вы уверены в этом?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– Ну, хорошо, тогда я всецело поручаю вам это дело.

* * *

– Ваше высокоблагородие, разрешите моему сыну хотя один день побыть со мною. – Я оборачиваюсь: на меня смотрит нерешительно грустными слезящимися глазами старый еврей

с длинной седой бородой. В руках мнет шапку. – Я нарочно приехал из Могилева, чтобы проститься с сыном.

– Как фамилия вашего сына?

– Расницов.

– Кузнец? Конечно, разрешаю.

Мы направляемся к кузнице, где идет спешная перековка лошадей. Молодой Геркулес кузнец Расницов, весь красный от жара, идущего от горна, и от усиленной работы, даже не поднял глаз на своего отца.

– Расницов, оставь работу, иди с отцом.

– Не время, ваше высокоблагородие, я не пойду.

А за стеной по плотно убитой земле открытого манежа стучат копыта лошадей, и слышится уже голос подпрапорщика Галущука:

– Да не тяни ее, черт!.. Не затягивай!.. Отпусти повод!..

Старый еврей молящими глазами взглянул на меня. Я пожал плечами и вышел.

* * *

– Два патрона, беглый огонь! – несется по всему казарменному двору громовой голос старшего офицера поручика Яковлева.

Слышится шелканье курков орудий и лязг металла орудийных замков. Восемь орудий, вытянутых в одну линию, окружены суетящейся орудийной прислугой.

– Смирно!..

– Ну, как идет дело?

– Слабо пока, господин капитан: главное препятствие в том, что люди никак не могут освоиться с действительной простотой работы при орудиях. Ведь в большинстве они этих орудий не видели, и им кажется, что непременно тут должно быть все очень трудным. В особенности их пугает панорама¹: такой сложный прибор, и так проста и легка с ним работа¹⁰.

– Ваше высокоблагородие, – прибежал, запыхавшись, дежурный по батарее фейерверкер, – там какой-то полковник вас спрашивают. Вот они сами идут сюда.

– Вы командир батареи?

– Так точно, господин полковник.

– Я прибыл из Петербурга для проверки знаний призванных из запаса армии офицеров. У вас сколько таких?

– Два прапорщика, господин полковник. Только не стоит вам беспокоиться: оба они ровно ничего не знают. Один, прапорщик Никольский, обучал географии девиц в одной из московских гимназий, а другой, прапорщик Вырубов, посвятил себя всецело искусству – занят театром. Если они и знали что-либо, в чем я не сомневаюсь, то к настоящему моменту успели все основательно забыть. Необходимо некоторое время для того, чтобы они могли все это вспомнить, а также усвоить и то, чего они раньше совсем не знали.

– У вас, кажется, идут занятия при орудиях.

– Так точно, господин полковник.

– Хорошо, продолжайте: я хочу посмотреть, как они у вас производятся.

– Сорок, трубка сорок!.. – опять загремела команда поручика Яковлева.

– Вольт налево... Убирай построшки... – доносится с манежа охрипший голос подпрапорщика Галущука.

¹ Оптическая часть прицела. – Здесь и далее примеч. авт.

* * *

На казарменный двор вваливается последняя партия прибывших на пополнение людей. Мужчины, женщины, дети... С котомками за плечами, в руках узелки, из которых торчат углы пирогов, каравай белого хлеба и другая деревенская снедь – «гостинцы», в обилии заготовленные в дорогу уходящим на фронт близким бабьему сердцу мужьям, сыновьям и братьям.

В прибывшей партии больше всего баб. Пестрыми, яркими красками своих одеяний придают они особый художественный колорит всей прибывшей группе. Бабы одеты по-праздничному – принарядились. Между нами царит полная тишина. Испуганными, недоверчивыми глазами смотрят они на нас, офицеров, от которых зависит судьба их близких.

– В первую батарею, вторую, третью, – отмечает мелом на груди прибывших запасных солдат командующий бригадой.

– Дозвольте, ваше высокоблагородие, мне в пятую. Там у меня сродственник служит, в пятой батарее. Вместе, значит...

– Хорошо, иди в пятую.

– А мне, ваше высокоблагородие, дозвольте в третью, так что на действительной я в третьей служил, так что и теперь в третью охота.

– Иди в третью.

– В четвертую, пятую, шестую, – продолжает отмечать командующий бригадой, подходя уже к концу выстроенных в шеренгу запасных.

Разбивка окончена. Пестрая толпа засуетилась, заговорили бабы, опять котомки взвалены на плечи, и новая волна вновь прибывших вливается в казарменную жизнь, в настоящее время такую шумливую, необычайную.

* * *

Быстро проходит время, не замечаешь его. Находясь в батарее от зари до зари, с радостью наблюдаешь, как из толпы прибывших мужиков и всклокоченных, худых, голодных лошадей постепенно формируется и вырастает мощная, стройная воинская часть. Это уже не мужики – неповоротливые, медлительные,двигающиеся в развалку. Это уже настоящие солдаты, проворные, подтянутые, вежливые. У лошадей – шерсть уже блестит, углы округлились, гривы подщипаны, хвосты выровнены, лошади подобраны по выносам и по упряжкам.

Прапорщика Вырубова приказано откомандировать в штаб округа. На его место прибыл молодой, веселый прапорщик Соколовский.

* * *

Середина августа. Гудит с высокой соборной колокольни медный звон колоколов. Гудит, сзывает, возвещает жителям о торжестве, происходящем на Соборной площади, когда старый город благословляет сынов своих на бранный подвиг во имя единой бескорыстной любви к Великой Родине.

– На молитву шапки долой!..

Из широко открытых врат древнего храма вышел крестный ход. Ослепительным золотом сверкают ризы священнослужителей, полотнища священных хоругвей, кресты, купола старого храма и льющиеся сверху, с голубого неба, потоки солнечных лучей, играющих переливчатым светом в лесу склоненных штыков.

Все ближе и ближе подвигается крестный ход к стройным колоннам. Благословляющая рука окропляет ряды святой водой. Люди крестятся, лица их серьезны, слова молитвы шепчут уста.

Уходят все, да всем ли суждено вернуться, увидеть еще раз на этом же месте сверкающее золото куполов, риз, солнечного света?

Крестный ход прошел и скрылся в воротах храма.

– К церемониальному маршу...

Сверкнули штыки, стальной колоссальной щеткой заколебались в воздухе, двинулись плотной стеной под бодрящие, стройные звуки медных труб, под крики «ура» громадной толпы народа, окружившей площадь. Последний парад.

Батарея запряжена. Перед фронтом ее на столике стоит раскрытая икона-складень Смоленской Божьей Матери, подарок-благословение ушедшей уже в поход «матери», 6-й кадровой батареи, своей «дочери» – вновь сформированной 6-й батарее.

– На молитву шапки долой!..

Последний взгляд на родной казарменный двор, на опустевшие конюшни, на опустевшие казармы: у ворот, во дворе, толпа провожающих баб, у ворот на улице – праздная толпа любопытных.

– Справа поорудийно...

Длинная вереница орудий, зарядных ящиков и повозок постепенно вытягивается по улице. Я смотрю на своих людей и вижу на их лицах какое-то особое, торжественное выражение: видно, что у всех над всеми думами царствует одна общая мысль: военный поход 6-й батареи начинается.

* * *

Батарея направляется на погрузку, проходя через центр города. Гуляющая, возбужденная текущими событиями публика останавливается, с любопытством разглядывая проходящую батарею. Вслед батарее несутся всевозможные пожелания, слова ободрения, сочувствия. Священник, сняв с груди свой наперсный крест, благословляет проходящие упряжки.

Как странно, что город живет так же, как жил и вчера, и месяц тому назад, и всегда. Те же давно знакомые открытые магазины с витринами, заставленными всевозможными товарами, так же покупатели входят в их открытые двери и делают свои покупки, и так же будет и дальше, без нас.

Нарядная, вечно шумящая пестрая толпа, только на лицах как будто бы больше оживления, и глаза женщин сильнее блестят, а в остальном все они все те же. Только мы одни куда-то несемся в неведомые дали. Пройдет батарея, и все они сейчас же забудут о нас, увлеченные своими личными делами и заботами.

* * *

На военной платформе кипит спешная работа: по деревянным мосткам вводят в вагоны расседланных и разамуниченных лошадей. Первый шаг труден: лошадь осторожно пробует ногами деревянный настил, а затем уже легкими прыжками входит в вагон. Некоторые упрямятся – боятся. Взявшись за руки, люди сзади подталкивают их. Лошадь сразу влетает и, перепуганная, тропотит ногами о непривычное дерево пола вагона. По рельсам канатами тянут люди на платформы орудия, зарядные ящики, передки. Тут толпа пестрая: солдаты, их матери, жены, всюду снуют ребятишки – все принимают участие в трудной работе. Яркие платки баб расцветивают весь эшелон: на орудиях, на ящиках – везде сидят бабы.

– Вот, поглядите...

Я оборачиваюсь: друг перед другом, по-детски прижав к глазам кулаки, плачут молодая миловидная баба и ее муж, молодой фейерверкер Беликов. Так и стоят друг перед другом, и из-под кулаков текут по их лицам обильные слезы.

– Поженились недавно. Неохота им расставаться друг с дружкой, – поясняет мне, улыбаясь, старый солдат, увидав, что эта сцена вызвала во мне любопытство.

* * *

– Господин капитан, примите меня добровольцем в свою батарею... – На меня вопросительно смотрит высокий молодой человек в форме студента Института путей сообщения.

– Охотно. А где ваши вещи?

– Я вас догоню, господин капитан, я только сдам все дела по постройке, на которой я работаю. Возьмите мои бумаги.

– Зачем же мне ваши бумаги? Когда явитесь в батарею, тогда и отдадите.

– Нет, возьмите сейчас. Я тогда буду уверен, что я принят.

– Ну, давайте.

«Николай Александрович Тиличев, – прочитал я в бумагах своего добровольца, – студент 4-го курса».

– Ваше высокоблагородие, вот еще добровольцы. Очень просят принять их. – Фельдфебель подвел ко мне трех молодых людей, по виду мещан.

– Грамотные?

– Так точно.

– Ваши бумаги сдадите старшему писарю. Как ваши фамилии?

– Соколов, Отопков, Блинов.

Обрадованные добровольцы скинули куртки и сейчас же приняли участие в общей работе.

* * *

Через несколько часов готовый эшелон вытягивается длинной колонной вагонов и платформ у перрона пассажирского вокзала. Из вагонов выглядывают лошадиные головы, из-под накиннутых брезентов на платформе торчат жерла орудий.

– Трубач, сбор!

Легкие звуки сигнала в последний раз оглушают родные места. Эшелон медленно отходит, провожаемый хором раздавшихся, как по команде, при первом же повороте колес причитаний и плача родственников отъезжающих солдат. Поезд идет уже полным ходом, а бабий вой и плач слышны все тише и наконец совершенно замирают вдали.

2. В гарнизоне крепости Брест-Литовск

Мчится поезд, стуча и громокая, куда-то на запад, как змея изгибая свое длинное тело, то головой, то хвостом выдаваясь в сторону, то вдруг, совершенно выпрямившись, летит как стрела, все вперед и вперед – вперед к неизведанной новой жизни, тяжелой, может быть, даже страшной, но все же заманчивой и интересной.

Телеграфные столбы, как живые, мелькают в окнах вагона. На них проволока как будто играет, то опускаясь вниз, то поднимаясь, исчезает из поля зрения, ограниченная размерами окна. Будки стрелочников, шлагбаумы, бабы с зелеными флажками в руках, ребятишки и куры, пасущиеся стада, полустанки и даже небольшие станции – все проносится мимо, все остается сзади в мирной, спокойной жизни.

Поезд сбавляет ход. Стук колес все реже и реже, и вот он совсем останавливается. Большой пассажирский вокзал. Рядом, на пути, стоит прибывшая несколько раньше 5-я батарея.

– Что нового? Неизвестно еще, куда нас везут?

– Нет, ничего неизвестно.

С противоположной стороны подходит какой-то эшелон: это санитарный поезд – первое дыхание войны, которое мы ощущаем. Начинается обычная суматоха: кого-то куда-то несут на носилках, бегают и суетятся сестры, хлопочут врачи. Легко раненные один за другим вылезают из вагонов. Их сейчас же окружают наши солдаты, ведутся расспросы, рассказы, даются советы. Наши, еще не обстрелянные, с благоговением слушают уже бывалых. Время от времени из толпы раздаются возгласы удивления или сочувствия, поднимается шум, смех. Веселые, довольные, возвращающиеся назад легко раненные так и сияют. На лицах их ясно написана радость, что так быстро и легко отделались, и рядом с ними – сосредоточенно-серьезные фигуры наших бородачей, внимательно, боясь пропустить хоть одно слово, слушают повествования этих новых бывалых счастливицев.

Тут же, греясь на солнышке, прохаживается раненый командир батареи. На его лице тоже написано удовольствие: он выполнил свой долг и теперь пользуется законным отдыхом. Он ранен в плечо австрийской шрапнельной пулей.

– Австрийцы стреляют хорошо. Мы понесли крупные потери. Необходимо, чтобы оружейная прислуга не забывала засыпать промежутки между нижним щитом орудия и землей. Это очень важно: из-под щитов бьют шрапнельные пули. У нас много ранений в ноги.

– Ну, хорошо, может быть и так. На всякий случай будем помнить. Спасибо за совет.

Лошади напоены. Эшелон отходит. В дверях санитарного вагона стоит сестра милосердия с Георгиевской медалью на груди и провожает нас глазами.

– Возвращайтесь со славой, – говорит она нам на прощание.

Поезд мчится дальше.

* * *

На следующей остановке впервые видим пленных. Это австрийцы-поляки. Между ними – германский кавалерист. Пленных сейчас же обступают солдаты, суют им колбасу, хлеба, папиросы. Австрийцы, видимо, чувствуют себя неплохо и охотно вступают в разговор. Больше всего нас интересует их военная, невиданная еще нами форма, хотя мы сейчас же разочаровываемся: форма непрактична и некрасива. Их обмотки и ботинки вызывают у наших солдат целый поток острот:

– Что, пан, у вашего Франца-Иосифа не хватает кожи на голенища солдатам?

– Нет, братцы, это компрессы, чтобы, значит, не простужались, потому народ-то больно лядащий.

– А зимой-то тоже в обмоточках и в штиблетах? Смотрите, паны, в штиблетах-то холодно будет – снегу понабьется.

Немец не показывался, а все же интересно посмотреть и на него.

– Эй, германишер! – крикнул в вагон офицер 5-й батареи М. А. Гофман.

– Глейх! – Через минуту-две, на ходу застегивая пуговицы мундира, легким прыжком на платформу вскочил молодой германец и, увидев офицеров, вытянулся в струнку. Он сразу расположил к себе: чистенький, подтянутый, он готов сейчас же ответить на все вопросы.

– Ты как попал в плен?

– Взят во время фуражировки вашими казаками. Подо мной убили лошадь.

– А императора своего любишь?

Тут немец не выдержал: он поднял к небу глаза и с каким-то особенным восторженным чувством произнес:

– О, кайзер!

Какой контраст с австрийцами, растрепанными, в расстегнутых грязных мундирах. Сапоги нечищенные, сами они немытые, нечесанные. Когда мы подошли к ним, они даже не встали.

– Я убил своего офицера, а сам сейчас же сдался в плен, – заявил один из них.

Какая гадость. Пропала всякая охота разговаривать с ними, и мы отошли в сторону.

* * *

Я получил официальное сообщение о направлении эшелона на австрийский фронт. Кажется, этой новостью все довольны. Хотя мы еще не были в боях, но слышали уже немало об обоих противниках и по чувству, свойственному всем людям: лучше, где легче, – мы поверили в благосклонность к нам нашей Судьбы.

Брест-Литовск.

Но что это? Не верим своим глазам: 4-я и 5-я батареи разгружаются. Эшелон встречает командующий дивизионом подполковник В. В. Попов.

– Да, да... Вы должны сейчас же выгрузиться. Бригада получила назначение в состав гарнизона крепости. Да, вот, действительно, сначала получили определенное приказание следовать на австрийский фронт, а сейчас неожиданное изменение. Видите ли, по словам коменданта станции, мы должны были проследовать через Брест двое суток тому назад, но так как мы опоздали, вместо нас двинули спешно 61-ю бригаду, бывшую в составе гарнизона крепости, а нас теперь ставят на ее место.

– Но ведь мы не опоздали: мы выехали точно по мобилизационному плану. О каких двух сутках они говорят?

– Да, конечно. Но спорить с ними не приходится – все равно им ничего не докажешь, и мы должны только беспрекословно подчиниться.

– А наша пехота?

– Дивизия прошла на австрийский фронт и, наверное, уже где-нибудь там дерется. Я, конечно, понимаю вас, и мне самому ведь тоже обидно быть зачисленным в какие-то гарнизонные крысы и просидеть здесь всю войну, в то время как другие будут получать там награды: ордена, чины. Да и неприятно будет после войны вернуться в кадровую бригаду: они, наверное, будут драть перед нами свои носы.

Разгрузились. Все смотрят хмуро, все недовольны.

– Да что же, ваше высокоблагородие, уж если воевать, так воевать, а то ни то ни се.

И дома свои побросали, и хозяйство, и семьи, а для чего? Без дела только будем время терять, все равно никакого неприятеля здесь не дожидаться: далековато неприятель-то, чай, не дойдет.

Так сетовали мои солдаты, пытаясь как бы убедить меня: авось командир похлопочет и нас пошлют дальше. Одни только лошади были довольны и не скрывали своей радости. Застоялись они в тряских, душных вагонах и видимо с большим наслаждением стучали своими копытами о твердую, упругую землю, когда везли наши пушки в отведенный для нашей стоянки лагерь из артиллерийских бригад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.